СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ПЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1904 года).

Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). I—VIII. **Н. И. Мердеръ** 7, 403, 833

Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). I — IX. **Графини Л. А. Ростопчиной** 50, 427, 864

Къ исторіи 14 декабря 1825 года. (Изъ воспоминаній петербургскаго старожила). Сообщилъ **В. П. Батуринскій** 67

Закоулокъ. (Очеркъ). **И. Н. Потапенко** 87

Изъ литературныхъ воспоминаній. **Г. К. Градовскаго** 109

Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. I—V. **Н. И. Фалѣева** 116, 564, 902

Императоръ Николай I. (1826—1831). **П. Е. Щеголева** 138

Закавказскіе сектанты. **И. П. Ювачева (Миролюбова)** 167, 586

Женихъ нуженъ!.. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX столѣтія). **С. А. Артоболевскаго** 180

Заяцъ. (Разсказъ актера). **К. И. Ванченко** 190

Сахарныя поля. Бытовой этюдъ. **Н. А. Хлопова** 198

На среднемъ плёсѣ. (Путевые наброски). I. До Рыбинска. II. По пути въ Романовъ. III. Романовъ-Борисоглѣбскъ. IV. Толга. V. Въ Ярославлѣ. VI. За Которостью. **И. Ф. Тюменева** 209, 679

Иллюстраціи: 1) Набережная въ Рыбинскѣ.—2) Волга близъ Песочнаго.—3) Церковь Казанской Божіей Матери въ Романовѣ.—4) Соборъ въ Романовѣ.—5) Борисоглѣбскій соборъ съ пристани.—6) Церковь Покрова въ Романовѣ.—7) Толгскій монастырь близъ Ярославля.—8) Западный фасадъ собора въ Толгѣ.—9) Трапезная церковь въ Толгѣ.—10) Дерево, на которомъ послѣ пожара явилась икона Пресвятой Богородицы въ Толгѣ. — 11) Ярославль съ верхняго острова.—12) Царское мѣсто въ Николо-Мокринской церкви въ Ярославлѣ. — 13) Церковь св. Власія въ Ярославлѣ — 14) Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ. — 15) Второй видъ церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ.—16) Соборъ въ Ярославлѣ.—17) Аѳанасіевскій монастырь въ Ярославлѣ.—18) Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ.—19) Древняя Угличская башня въ Ярославлѣ. — 20) Церковь Спаса на Городу и чудотворная икона Спасителя.—21) Церковь Николы Мокринскаго.—22) Ярославль. Старый городъ на берегу Которости.—23) Церковь Іоанна Златоуста въ Коровникахъ.—24) Тугова гора близъ Ярославля.—25) Церковь Предтеченская въ Толчковѣ.—26) Ярославль. Церковь Николо-Мельницкая за рѣкою Которостью.—27) Училище для дѣвицъ духовнаго званія и церковь св. Петра и Павла.—28) Церковь св. Петра и Павла на Волгѣ, въ Ярославлѣ.—29) Набережная въ Ярославлѣ.

Памяти Александра Платоновича Энгельгардта. **П. И. Соколова** 258

Иллюстрація: Александръ Платоновичъ Энгельгардтъ.

Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина. **П. Е. Щеголева** 263

Иностранцы о Россіи. **В. Ш.** и **В. А. Тимирязева** (мартъ) . . . 275, 721, 1055

Станиславъ первой степени и енотовая шуба. (Изъ воспоминаній о Н. Н. Страховѣ). **Д. И. Стахѣева** 441

Роковыя именины. **А. И. Вальборгъ** 480

Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ. (Посвящается памяти Ѳедора Михайловича Достоевскаго). **В. В. Т—вой (О. Починковской)** . . . 488

Это несправедливо. (Три эпизода изъ юношеской жизни императора Александра III). **Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева** 543

Изъ воспоминаній о П. А. Стрепетовой. **А. Г** 547

Иллюстрація: П. А. Стрепетова.

Въ Маньчжуріи. **Сергѣя Рунича** 608, 952

Иллюстраціи: 1) Китайская пагода.—2) Китайскіе чиновники.—3) Китайскій обѣдъ.—4) Китайскій уличный парикмахеръ. — 5) Товарные склады на пристани въ г. Харбинѣ. — 6) Китайская казнь. — 7) Клѣтки съ головами казненныхъ. — 8) Георгіевскіе кавалеры.

Новые лауреаты академіи наукъ. **К. П. Медвѣдскаго** 633

Двадцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ. (1878—1903). **В. Г. Каниной** 647

Памяти Н. Ѳ. Ѳедорова и А. Е. Викторова. **В. И. Шенрока** 663

В. Л. Величко. **К. Петрова** 671

Иллюстрація: Василій Львовичъ Величко.

Воспоминанія погибавшаго человѣка. **Н. И. Перелыгина** 882

Къ біографіи Э. И. Тотлебена. **Д. М. Неклюдова** 929

Чума въ Петербургѣ въ 1879 году. (Изъ записокъ врача). **Н. П. Черепнина.** 935

«Зѣло досадительный случай». (Разсказъ). **Д. М. Березкина** 946

Красная Поляна. **С. И. Васюкова** 983

Иллюстраціи: 1) Монастырь св. Троицы. — 2) Краснополянское шоссе. Видъ тоннеля и скалы.—3) Краснополянское шоссе. Начало ущелья Аксу.— 4) Охотничій домикъ Государя Императора. — 5) Церковь въ Красной Полянѣ. — 6) Мостъ черезъ Мзымту въ колоніи эстонцевъ. — 7) Краснополянская дѣвочка-гречанка.

Брюлевскій домъ въ Варшавѣ. **А. Сидорова** 1023

Иллюстрація: Брюлевскій домъ въ Варшавѣ.

Три народныя картинки. **М. Успенскаго** 1026

Иллюстраціи: Три народныя картинки.

Н. К. Михайловскій. **А. И. Фаресова** 1028

Иллюстрація: Николай Константиновичъ Михайловскій.

Столѣтіе перваго русскаго историческаго общества. **П. Е. Павлова** . . . 1045

Американскія трущобы. (Соціологическо-описательный очеркъ). **Е. Н. Матросова** 1072

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 302, 741, 1094

1) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ пятый. Части I и II. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1903. **В. Грибовскаго.**—2) Сборникъ Тверского общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Выпускъ I. Подъ редакціею предсѣдателя общества В. И. Колосова въ соучастіи съ І. К. Линдеманомъ. Тверь. 1903. **А. Я.** — 3) О. П. Сениговъ. Памятники земской старины. Спб. 1903. **В. Грибовскаго.**—4) В. Нарбековъ. Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII вв. (По памятникамъ церковной старины, бывшимъ на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ). Казань. Типолитографія императорскаго университета. 1903. **В. Ф—ко.**—5) В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверского и Московскаго уѣздовъ. Спб. 1903. **А. И. Яцимирскаго.** — 6) Александръ II, царь-освободитель. Издалъ графъ Милорадовичъ. Спб. 1903. **Сергѣя фонъ-Штейна.** — 7) Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. И. А. Максимейко. Харьковъ. 1903. **В. Грибовскаго.** — 8) Курсъ гражданскаго права профессора Казанскаго университета Г. Ф. Шершеневича. Томъ I. Введеніе. Выпускъ второй. Казань. 1903. **В. Грибовскаго.** — 9) Императорскій Россійскій историческій музей имени императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ II. Житіе святого Нифонта, лицевое. XVI вѣка. М. 1903. **М. О. Ск—вича.**—10) Д. К. Треневъ. Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей, съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями. М. 1903. **А. Я.**—11) Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права. Одесса. 1903. **В. Г.**—12) Отзывъ объ ученыхъ трудахъ привать-доцента Е. В. Васьковскаго, составленный ординарнымъ про-

фессоромъ А. И. Загоровскимъ, по порученію юридическаго факультета Новороссійскаго университета. Одесса. 1903. Ignotus.—13) Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Спб. 1903. А. М.—14) Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1903. С. фонъ-Штейна. — 15) Василій Васильевичъ Латышевъ. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его. 1878—1903. Спб. 1903. М.—16) Димитрій Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Ч. I. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903. П. К—аго.—17) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ въ 1902 году. Записка проф. И. Цвѣтаева. Москва. 1903. А—нъ.—18) Э. А. Вольтеръ. Отчетъ о поѣздкѣ по библіотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года. Спб. 1903. Беге. — 19) Новыя польскія изданія по исторіи и археологіи. С. Гин—вта.—20) Ф. Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттрогенто. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904. П. К.—21) Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. К.—22) И. Анненскій. Античная трагедія. Спб. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна.—23) Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія I. М. 1903. Щ.—24) Щукинскій сборникъ. Выпускъ второй. Москва. 1904. С. В.—25) И. Н. Божеряновъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Томъ I. Выпускъ 2. Изданіе автора. Спб. 1903. Б. Г—цкаго.—26) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXII. Тифлисъ. 1903. А. Х—ва.—27) Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904. К. М.—28) Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ. Академика И. И. Янжула. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—29) Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. (Род. 1758 † 1828). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Съ 2 портретами. Спб. 1903. Б. Г—цкаго.—30) А. А. Титовъ. Сборникъ XVI вѣка съ чудесами отъ иконы св. Николая въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. Москва. 1904. А. К.—31) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга семнадцатая. Выпуски I и II. Издана подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1903. А. Я. — 32) Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ «Бѣловодское царство». Съ предисловіемъ В. Г. Короленка. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—33) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга пятая. Съ приложеніемъ 21 рисунка и 3-хъ плановъ. Владиміръ. 1903. В. Рудакова. — 34) Д. К. Треневъ. Иконопись мстёрцевъ. Съ приложеніемъ фототипій. М. 1903. А. Я.—35) Христіанство и организація международнаго мира. Бар. М. А. Таубе, доктора международнаго права. Спб. 1903. В. Г.—36) «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества». Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. XVIII. Киргизскій край. Изд. А. Девріена. Спб. 1904. П. Костромского. — 37) Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Переводъ А. Серебряковой. Изданіе С. Дороватовскаго и Л. Чарушникова. Москва. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна. — 38) Г. Светоній Транквиллъ. Жизнь двѣнадцати цезарей. Съ лат. перевелъ В. Алексѣевъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. П.—39) А. С. Хахановъ. Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ въ Малой Азіи. Тифлисъ. 1903. А—на.—40) Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Переводъ съ нѣмецкаго М. Лемберка, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Москва. 1903. Е. В.—41) Весь Кавказъ. Справочно-литературный сборникъ. Тифлисъ. 1903. А. Хах—ова. — 42) Древности русскаго права. Томъ III. Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія. В. Сергѣевича. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—43) Пл. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на югославянскія литературы. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—44) Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ (къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи). Составлено подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Н. Н. Бѣлявскаго и подъ редакціей генералъ-майора В. А. Потто. Ф. Лѣ—ва.—45) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ четвертый. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра III. Составленъ П. И. Тторжевскимъ, подъ главной редакціей статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1903. В. Грибовскаго. — 46) Императорская главная квартира. (Изъ исторіи столѣтія военнаго министерства). Подъ главной редакціей Д. А. Скалона, составилъ В. В. Квадри. Спб. 1904. Н. Фальева.—47) Г. М. Барацъ. Опытъ возстановленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Спб, 1904. В. Грибовскаго.—48) Русскій біографическій словарь. Сабанѣевъ-Смысловъ. Спб. 1904. С. Ш.—49) Записки Я. К. Номена о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ. Переводъ, введеніе и примѣчанія В. Кордта.

Кіевъ. 1904. С. Ш.—50) С. Уманецъ. Современный бабизмъ (расколъ въ магометанствѣ). Тифлисъ. 1904. Ф. Лѣ—ва. — 51) Н. Кравченко. «Въ Китай!» Спб. 1904. С. Глинки.—52) Сборникъ для народнаго чтенія. Приложеніе къ журналу «Церковноприходская школа». Кіевъ. 1904. Ив. Захарьиа.—53) Изданія Краковской академіи наукъ (Akademja Umiejętności) по исторіи и древностямъ. Краковъ. 1903. С. Гин—вта. — 54) Екатерина Вторая. Историческій очеркъ С. Нестерова. Спб. 1904. С. Ш. — 55) К. Скальковскій. Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія. Спб. 1904. Ignotus. — 56) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Комитетъ министровъ въ первыя восемь лѣтъ царствованія государя императора Николая Александровича. Составлено помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ Н. И. Вуичемъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Спб. 1903. Ignotus.—57) Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. Шокальскаго. Выпускъ I. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Г. — 58) Соперничество торговыхъ интересовъ на Востокѣ. Докладъ члена совѣта общества востоковѣдѣнія М. П. Ѳедорова. Спб. 1903. С. У—ца. — 59) Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. I—IV. П. К. Симони. Спб. 1903. Ф. Лѣ—ва. — 60) Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. Спб. 1903. А. Я. — 61) Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей приватъ-доцента П. М. Головачева: «Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVIII вѣка», съ приложеніемъ 4-хъ видовъ и 3 плановъ стариннаго Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Спб. 1903. В. Ф—ка. — 62) А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Саратовъ. 1904. —ова.—63) Классическій Востокъ. Остатки финикійской литературы. Обработалъ Б. Тураевъ. Спб. 1903. М. — 64) Album biograficzny zasłużonych polakow i polek wieku XIX. 2 тома. Варшава. 1901 — 1903. С. Гин—вта. — 65) Проф. Р. Ѳ. Брандтъ. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. (Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1903 годъ). Воронежъ. 1903. А.—66) Проф. С. Гюнтеръ. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидта. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1904. Г.—67) А. А. Сааковъ. О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ. Тифлисъ. 1903. А. Х—ва.—68) К. I. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1904. Андрея Сиротинина.—69) Е. Л. Величко. Меншиковъ. Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1904. А. Фаресова.—70) Академикъ И. И. Янжулъ. Воспоминанія о дѣтской жизни. Москва. 1904. В. Г. — 71) Указатель книгъ и статей о кооперацiи и мелкомъ народномъ кредитѣ. Изданіе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1900. К. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 338, 774, 1139

1) Колдовство и отравы.—2) Умственная патологія французскихъ королей.—3) Поддѣльный Рабле.—4) Новая біографія Галилея.—5) Неизвѣстный сынъ англійскаго короля Карла II.—6) Историческая находка.—7) Похожденіе двухъ аристократокъ во время революціи. — 8) Родственники Наполеона.— 9) Юбилеи и памятники. — 10) Смерть Роллина и Герберта Спенсера. — 11) Дворецъ египетскаго фараона въ Ѳивахъ.—12) Кто открылъ Америку. — 13) Англія въ началѣ XVIII вѣка. — 14) Салоны г-жи Гельвецій и актрисы Конта. — 15) Англійская писательница XVIII вѣка.—16) Нейтрализація мелкихъ государствъ.—17) Смерть Джузеппе Занарделли, Жерома и Маринони.— 18) Іоанна д'Аркъ.—19) Лондонъ во время Стюартовъ.—20) Актриса Мопэнъ.— 21) Другъ свѣтскихъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ.—22) Невѣдомыя черты характера Робеспьера и его юность.—23) Наполеоніана.—24) Современный итальянскій разбойникъ.—25) Англійскіе матеріалы о Японіи.—26) Сношенія между Россіей и Японіей.—27) Совѣты Спенсера японцамъ.—28) Смерть Эмиля Дешанеля, Эли Реклю и Марка Ганна.

СМѢСЬ 373, 799, 1168

1) Чествованіе памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго. — 2) Виленскій памятникъ Екатеринѣ II.—3) Московское археологическое общество.—4) Общество любителей россійской словесности.—5) Русское библіографическое общество.— 6) Комитетъ по сооруженію музея изящныхъ искусствъ.—7) О непрочности современной бумаги.—8) Собраніе рукописей.—9) Запорожскія древности.—

СТРАН.

10) Географическое общество.—11) Общество востоковѣдѣнія.—12) Профессоръ М. Соколовскій.—13) Торжественное собраніе академіи наукъ.—14) Преміи имени М. И. Михельсона.—15) Преміи Петра Великаго. — 16) Диспутъ А. А. Кизеветтера. — 17) Общество любителей древней письменности. — 18) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. — 19) Къ архивной реформѣ.—20) Археологическое общество въ Москвѣ.—21) Историческое общество въ Москвѣ. — 22) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—23) Романовскій отдѣлъ.—24) Географическое общество.—25) Общество изученія Бѣлорусскаго края.—26) Общество востоковѣдѣнія.—27) Общество любителей естествознанія въ Москвѣ. — 28) Къ открытію памятника Глинкѣ.—29) Преміи Петра Великаго.—30) С.-Петербургское археологическое общество. — 31) Московское археологическое общество.—32) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 33) Ученый корреспондентъ академіи наукъ въ Римѣ.—34) Филаретъ Никитичъ Романовъ въ Варшавѣ.—35) Раскопки въ Екатеринославской губерніи. — 36) Архангельскій епархіальный музей.—37) Рижскій музей. — 38) Императорское общество любителей древней письменности. — 39) Кобзари и лирники.—40) Правительственное предостереженіе книгопродавцамъ. — 41) Годовое собраніе Географическаго общества. — 42) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—43) Общество востоковѣдѣнія.

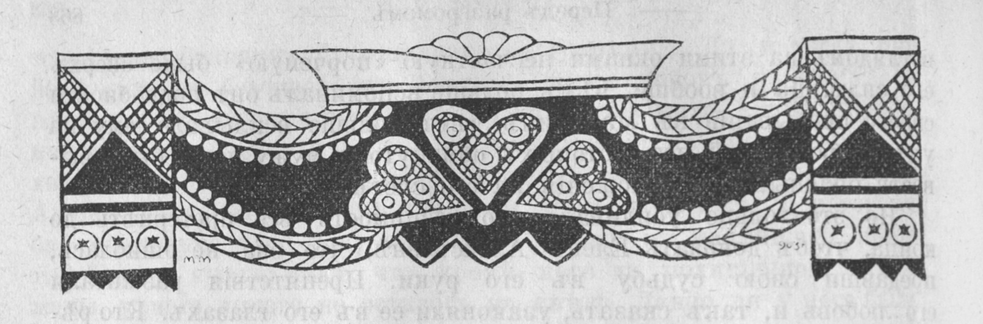
НЕКРОЛОГИ 389, 823, 1190

1) Бѣлявскій, Е. В. — 2) Вагнеръ, Е. Е. — 3) Видгальмъ, И. М. — 4) Герардъ, В. Н.—5) Глубоковскій, М. П. — 6) Пановъ, А. В.—7) Переяславцева, С. М.—8) Родзевичъ, И. И.—9) Голубинскій, Д. Θ. — 10) Яровицкій, А. В. — 11) Аθанасьевъ, В. И.—12) Барсовъ, Т. В.—13) Величко, В. Л.—14) Девель, Θ. В.—15) Коропчевскій, Д. А.—16) Ржешотарскій, А. А. —17) Серебряковъ, А. Т.—18) Стрекалова, А. Н.—19) Турчиновичъ-Выжнекевичъ, В. И.—20) Фелицынъ, Е. Д.—21) Фенцикъ, Е.—22) Фредериксъ, М. П., баронесса.—23) Шабельская, Н. Л.—24) Баснинъ, П. П.—25) Вельяминовъ-Зерновъ, В. В.—26) Войславъ, С. Г.—27) Марковниковъ, В. В.—28) Михайловскій, Н. К.—29) Пономаревъ, И. Н.—30) Предтеченскій, Е. А.—31) Сафоновъ, С. А.—32) Сильвай, И. А.—33) Трирогова, Н. А.—34) Чичеринъ, Б. Н.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 399, 1199

1) Еще о кавказскихъ минеральныхъ водахъ. **Ив. Захарьина (Якунина).** — 2) Къ дуэли Кушелева съ Бахметевымъ. **Е. Вейденбаума.**

Приложенія: 1) Портреты императора Николая Павловича, Θ. В. и Е. П. Ростопчиныхъ.—2) Самозванка (княжна Тараканова). Драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ **И. В. Шпажинскаго.**—3) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ д-ра Г. Легэ. Переводъ съ французскаго.

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

VIII.

Начало моихъ собственныхъ воспоминаній.—Стихотвореніе «Насильный бракъ».—Выписки изъ біографіи, составленной С. П. Сушковымъ.—Отзывъ о графинѣ Е. П. Ростопчиной князя Александра Васильевича Мещерскаго. — Гоненія критики. — Домъ Пашковыхъ въ Москвѣ.—Свадьба въ 1833 году.

СЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННОЕ, мнѣ кажется, достаточно ярко обрисовываетъ личность моей бабушки. Она въ своемъ обществѣ представляла вѣрный типъ тѣхъ грозныхъ «самодуршъ», изъ среды которыхъ вышла свекровь бѣдной Катерины въ «Грозѣ» Островскаго. Отъ той топились въ рѣкѣ, отъ этой населялась Сибирь. Даже теперь, въ старости, я трепещу, когда вспоминаю обиды, униженія, насилія души и ума, которыми настрадались всѣ родные и приближенные этой бездушной вѣроотступницы.

Мои собственныя воспоминанія начинаются съ 1847 года, когда родители мои вернулись изъ-за границы. Они сначала остановились въ Петербургѣ, гдѣ провели два мѣсяца, но положеніе моей матери при дворѣ сильно пошатнулось послѣ напечатанія ея извѣстнаго стихотворенія «Насильный бракъ». (Смотри біографиче-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 427.

скій очеркъ, написанный Сергѣемъ Петровичемъ Сушковымъ, съ предисловіемъ къ избранному изданію сочиненій его сестры, 1890, Спб., типографія И. Н. Скороходова).

Привожу отрывокъ изъ этого очерка (стр. XV): «Аллегорическій смыслъ—съ ошибочной точки взгляда—о политическомъ отношеніи Польши къ Россіи былъ выраженъ въ балладѣ «Насильный бракъ» настолько явственно, что не оставалось никакой возможности этого не понять и отрицать. А, между тѣмъ, въ продолженіе немалаго времени послѣ появленія этого анонимнаго стихотворенія въ «Сѣверной Пчелѣ», никто не обратилъ вниманія на него и не разгадалъ его смысла. Выше было мною разсказано, какъ велико было милостивое расположеніе императора Николая Павловича къ моей сестрѣ, а потому появленіе въ печати этой безразсудной ея баллады, смѣю думать, должно было, не только изумить государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ опечалить и прогнѣвить, какъ поступокъ съ ея стороны неблагодарный въ отношеніи къ нему лично. Но всегда вѣрный своимъ чувствамъ великодушія и высокаго рыцарскаго благородства, особенно въ отношеніи къ женщинамъ, государь Николай Павловичъ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ шефа жандармовъ о заподозрѣнномъ въ балладѣ аллегорическомъ смыслѣ, повелѣлъ оставить это дѣло безъ послѣдствій. Осенью сестра моя возвратилась вмѣстѣ съ семействомъ изъ заграничной поѣздки въ Петербургъ, гдѣ прожила два мѣсяца совершенно спокойно: никто и ничто не напоминало ей о злополучной балладѣ, а затѣмъ Ростопчины переселились на жительство въ Москву, въ домъ матери графа А. Ѳ., жившей въ одиночествѣ. Но когда послѣ того при первомъ высочайшемъ пріѣздѣ въ Москву графиня Е. П., успокоенная полною безотвѣтственностію за свое легкомысленное поэтическое увлеченіе и ошибочно предполагая, что государь не изволилъ признать аллегорическаго смысла въ стихотвореніи «Насильный бракъ», отважилась пожелать чести представиться ихъ величествамъ въ числѣ прочихъ московскихъ дамъ, государь гнѣвно велѣлъ не допускать ея во дворецъ. Для моей сестры наказаніе это было горькое и тяжелое, но вполнѣ ею заслуженное. Въ задушевныхъ разговорахъ между нами она искренно сознавала свою вину и каялась въ написаніи этого злополучнаго стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера совершенно случайно и необдуманно, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею за границею ложныхъ и вздорныхъ толковъ о политическомъ положеніи Польши, судьбою которой она никогда прежде не интересовалась и ничего опредѣленнаго по этому вопросу не знала, какъ и большинство тогдашняго русскаго общества, не только женскаго, но даже и мужского. Для смягченія этого единственнаго въ жизни моей сестры проступка передъ родиной желаю напомнить, что она всегда была пламенною патріоткою, какъ это фактически до-

казывается содержаніемъ многихъ ея стихотвореній. Къ великой личности государя Николая Павловича неизмѣнно хранилось въ ея сердцѣ чувство живѣйшей любви и преданности, которое ярко высказалось въ прекрасныхъ стихахъ «На кончину императора Николая I», излившихся изъ глубины душевной скорби послѣ возвращенія 21-го февраля 1855 года отъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ (Сергѣй Сушковъ)».

Родители мои поселились на Старой Басманной въ домѣ бабушки. Но, прежде чѣмъ приступить къ своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, я должна пополнить пробѣлъ, отдѣляющій пажескую жизнь отца моего отъ его женитьбы.

Послѣ неудачи своей со зрѣлой полькою отецъ мой бросился въ омутъ всевозможныхъ кутежей. Когда друзья отца его являлись къ графинѣ Е. П—ѣ съ увѣщаніями, уговаривая ее употребить свою материнскую власть, чтобы остановить повѣсу, она неизмѣнно отвѣчала: «покойный мужъ мой отнялъ у меня мои права и отстранилъ меня отъ воспитанія сына моего; пусть же все зло отъ его дурного воспитанія и поведенія падетъ на его память». И она радовалась, что на томъ свѣтѣ неоцѣнившій ее супругъ страдаетъ и тоскуетъ, видя, какъ погибаетъ душа его сына. Итакъ, никѣмъ не предостерегаемый, необузданный и пылкій юноша, окруженный льстецами и попрошайками, шибко шагалъ по дорогѣ къ разоренію и къ ослабленію его нравственнаго облика. Не зная себѣ удержу ни въ чемъ, онъ даже осмѣлился шутить съ самимъ государемъ! Посаженный имъ на гауптвахту въ Гатчинѣ, онъ отправлялся въ Петербургъ въ театръ и садился въ первыхъ рядахъ, въ партикулярномъ платьѣ и съ наклеенными усами или бакенами. Когда онъ замѣчалъ, что государь, узнавъ его, отдавалъ приказаніе арестовать его, графъ Андрей Ѳеодоровичъ поспѣшно уходилъ, садился на ожидавшую его тройку и летѣлъ въ Гатчино, мѣняя лошадей. Когда посланный пріѣзжалъ наконецъ на гауптвахту, онъ находилъ провинившагося, повидимому, крѣпко спящимъ. Эти дерзкія выходки очень сердили государя, и онъ обрадовался, когда отецъ мой подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву. Ему было тогда 19 лѣтъ, но онъ былъ такъ плѣшивъ и старообразенъ, что на видъ казался вдвое старѣе.

Пріѣхавъ въ Москву съ намѣреніемъ жениться и остепениться, отецъ намѣтилъ себѣ трехъ первыхъ московскихъ красавицъ того времени: Евдокію Петровну Сушкову, которой минуло 21 годъ, княжну Надежду Сергѣевну Долгорукую, вышедшую впослѣдствіи за брата моей другой бабушки, Сергѣя Ивановича Пашкова, и ея двоюродную сестру, Екатерину Александровну Булгакову, дочь вѣрнаго и преданнаго друга графа Ѳеодора Васильевича и человѣка, осмѣлившагося понять и презирать графиню Екатерину Петровну, не говоря уже про то, что онъ былъ другомъ и защитникомъ не-

навистнаго Брокера. Мать поспѣшила остановить сына на пути привязанности къ дѣвицѣ Булгаковой, сообщивъ ему, что она была будто бы дочерью его отца Кто читалъ письма Булгакова, помнитъ, что дѣдъ мой, уже не молодой человѣкъ, только что пріѣхалъ тогда въ Москву, гдѣ познакомился со счастливою, молодою четою Булгаковыхъ — все въ характерѣ и обстоятельствахъ его дружбы съ Александромъ Яковлевичемъ вопіетъ противъ подобной клеветы, но молодой человѣкъ повѣрилъ ей и сталъ ухаживать за молодой Сушковой.

Мать моя воспитывалась у своего дѣда и бабушки, Ивана Александровича и Авдотьи Васильевны Пашковыхъ, со своими двумя братьями Сергѣемъ и Дмитріемъ, такъ какъ рано овдовѣвшій отецъ ея былъ начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа. Въ напечатанномъ мною и сестрою моею, графинею Ольгою Андреевною Торніелли (мужъ которой теперь состоитъ итальянскимъ посломъ въ Парижѣ), изданіи избранныхъ сочиненій нашей незабвенной матери находится пространное предисловіе, написанное дядею моимъ, Сергѣемъ Петровичемъ. Читатель найдетъ тамъ много интересныхъ подробностей, которыми не считаю возможнымъ воспользоваться. Ограничусь только слѣдующимъ отрывкомъ изъ воспоминаній почтеннаго князя Александра Васильевича Мещерскаго, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1900 г. (книга 12, стр. 611).

«1841 годъ Ревель и Гельсингфорсъ. Послѣ того, какъ я былъ представленъ графу Армфельдту у Авроры Карловны Демидовой, я также въ первый разъ познакомился съ графиней Ростопчиной, извѣстной нашей талантливой поэтессой. Она была тогда лѣтъ 25-ти (нѣтъ, 30-ти, родилась въ декабрѣ 1811 года), очень живая и умная, ея разговоръ походилъ на блистательный фейерверкъ. Я помню, что во время первой моей съ нею бесѣды я, признаюсь откровенно, какъ новичекъ, былъ ослѣпленъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очарованъ блескомъ ея остроумія, которое лилось въ ея рѣчи, какъ изъ неисчерпаемаго источника. Блескъ ея ума могъ соперничать развѣ съ блескомъ ея обыкновенно задушевныхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому нибудь нравиться. Небольшого роста, съ очень правильными иточеными чертами, при смугломъ цвѣтѣ лица, съ большими глазами и длинными темными рѣсницами, она, къ сожалѣнію, была очень близорука и поэтому постоянно должна была носить лорнетку, которая заслоняла и мѣшала видѣть всю прелесть ея глазъ. Одаренная необыкновенною памятью, она знала иностранную литературу, какъ свою отечественную. Если ко всѣмъ ея дарованіямъ и привлекательной наружности добавить еще отзывчивость и пламенную ея любовь къ нравственнымъ идеаламъ, то получится типъ такой героини романа, лучше котораго едва ли могъ бы создать самый талантли-

вый поэтъ или романистъ. Такова была графиня Ростопчина, когда я съ нею познакомился».

Покойный князь Мещерскій прекрасно описалъ мою мать. Да будетъ позволено мнѣ, послѣ отталкивающей и леденящей особы моей бабушки, отдохнуть немного на свѣтлой, очаровательно доброй и умной личности моей дорогой матери! Я лишилась ея двадцати лѣтъ, но память о ней такъ же свѣжа и священна, въ моей душѣ, какъ въ первый день этой утраты! Долго, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не могла я даже произносить равнодушно ея имени, и до сихъ поръ изъ моихъ засохшихъ отъ лѣтъ глазъ льются слезы, когда я вспоминаю про нее. Кромѣ всѣхъ прелестей ума, которыя она расточала, не скупясь, на дѣтей и на всѣхъ домочадцевъ, доброта ея была безконечна. Она постоянно помогала нѣсколькимъ семьямъ, давала деньги въ займы (безъ возврата) всей нуждающейся литературной братіи; все, что получала она до изданія ея стихотвореній Смирдинымъ, отдавала она князю В. Ѳ. Одоевскому для основаннаго имъ благотворительнаго общества (въ огромной, переписанной мною перепискѣ матери моей съ Жуковскимъ, Погодинымъ, Плетневымъ, Островскимъ и пр. я нашла письма князя Одоевскаго объ этомъ).

Madame Mainté, наша гувернантка, умершая у насъ въ 1860 году, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно ссорилась съ матерью по поводу ея щедрости и напоминала ей, что тотъ самый литераторъ, котораго она выручила изъ бѣды, публично осмѣялъ ее, или напечаталъ про нее что либо дурное. «Но онъ нуждается, Богъ съ нимъ! — отвѣчала она: — идите, Mainté (какъ мы называли добрую француженку), и заложите эту брошь, надо бѣднягѣ на доктора или на роды женѣ»... Когда мать моя скончалась, всѣ ея вещи буквально были заложены, и пришлось ихъ выкупать. Сама она лично мало тратила на себя, все шло на друзей, а друзья эти послѣ ея смерти осмѣивали ее въ своихъ воспоминаніяхъ... Горько, очень горько и больно было намъ, дочерямъ, такъ свято хранившимъ священную для насъ память, читать все, что печаталось ложнаго, завѣдомо выдуманнаго, противъ женщины столь рѣдкой доброты и незлобивости! Не помнить зла было даже не достоинствомъ въ ней, а самою обыденною чертою ея характера. Гоненія критики, нападки и насмѣшки славянофильской партіи, не простившей ей ея «западничества», заставляли ее болѣе смѣяться, чѣмъ негодовать. Почти всеобщее гоненіе, замѣнившее прежнія восторженныя похвалы ея лирическому дарованію, было начато Бѣлинскимъ. Мать моя нашла его слишкомъ дурно воспитаннымъ для посѣщенія ея аристократическихъ вечеровъ въ Петербургѣ, и оскорбленный критикъ отретировался, грозя своимъ опаснымъ кулакомъ, обрушившимся на гордую аристократку, на свѣтскую женщину, которая любила балы, музыку, роскошь и смѣла признаваться въ этомъ. Слѣдуя по стопамъ великаго критика,

увлеченнаго уязвленнымъ самолюбіемъ, Огаревъ написалъ свою «Отступницу».

По поводу «Отступницы» Сергѣй Сушковъ говоритъ: «Считаю нужнымъ привести главную часть курьезнаго стихотворенія, столь хорошо обрисовывающаго сумбуръ, бродившій въ головѣ Н. П. Огарева. При этомъ я долженъ объяснить, что онъ познакомился съ моею сестрою, когда она была дѣвочкою 14-ти лѣтъ, а онъ еще учился въ Московскомъ университетѣ и посѣщалъ въ домѣ Пашковыхъ гувернантку, англичанку А. Е. Горнситеръ, которая раньше жила въ семействѣ Огарева.

ОТСТУПНИЦА.

. . . .
Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ,
Не помню—слогъ стихотвореній
Хорошъ ли, не хорошъ онъ былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ дыханьемъ освятилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья [1]).
. . . .
Промчалась, полная невзгоды
Отъ васъ далеко жизнь моя.
. . . .
И какъ-то случай свелъ насъ снова [2])
Въ порѣ печальныхъ зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ,
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслухъ
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали—
И я былъ радъ. Я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали...
И васъ глубоко презиралъ.
. . . .
Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я расквитался бъ эпиграммой;
Но передъ вами смѣхъ молчитъ,
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло.
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло.

---

[1]) Мать моя написала тогда стихотвореніе на декабристовъ, ею послѣ сожженное. Я никогда не слыхала его. Л. Р.

[2]) Въ Парижѣ въ 1847 году.

Просите доблестно (!) прощенья
Въ измѣнѣ вѣтреной своей
У молодого поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей!
. . . .
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать,
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
Я бъ и Клейнмихеля простилъ,
Когда бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

«Нельзя,—продолжаетъ С. Сушковъ,— придумать ничего нелѣпѣе и смѣшнѣе этого набора пустозвонныхъ фразъ: въ 1825 году минуло Евдокіи Сушковой только 14 лѣтъ, какія же политическія убѣжденія о свободѣ и вольности могла имѣть она въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ? Графинѣ Ростопчиной не въ чемъ было каяться, и за нею не было никакой измѣны; если она въ своемъ отрочествѣ оплакала сострадательными стихами горькую судьбу несчастныхъ, но заблуждавшихся, благородныхъ и честныхъ людей (какъ декабристы это доказали во время долголѣтней ссылки ихъ въ Сибири), сдѣлавшихся искупительною жертвою злополучнаго стеченія обстоятельствъ того времени, то юное ея сострадательное сердце оплакало ихъ участь вмѣстѣ съ цѣлымъ русскимъ обществомъ. Нѣтъ ничего общаго, и не можетъ быть никакого сравненія между декабристами и тѣми безразсудными соціалистами, нигилистами, анархистами позднѣйшаго времени, которыхъ сумасбродный Огаревъ величаетъ громкимъ названіемъ «молодого поколѣнія и порядочныхъ людей». И передъ ними-то онъ призываетъ графиню Ростопчину каяться, у нихъ-то просить прощенія! Приплетеніе сюда, совсѣмъ уже ни къ селу, ни къ городу, имени Клейнмихеля составляетъ букетъ нелѣпости и комизма!»

Я сказала выше, что статья Бѣлинскаго была первою стрѣлою, пущенною «порядочнымъ обществомъ» въ мою мать. Въ этой ея автобіографіи я почерпаю слѣдующія подробности.

«Въ 1852 году,—пишетъ С. Сушковъ,—неожиданно возникла въ нѣкоемъ, плачевной памяти, литературномъ кружкѣ ненависть противъ графини Евдокіи Ростопчиной, единственно только потому, что она была женщина глубоко-религіозная, здравомыслящая и горячая патріотка въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Когда во второй половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ появилось и стало распространяться среди незрѣлой, полуобразованной и легкомысленной молодежи пагубное направленіе безразсудныхъ идей въ духѣ нигилизма, соціальной демократіи и анархіи, стремившихся къ отрицанію и разрушенію всѣхъ разумныхъ, нравственныхъ и рели-

гіозныхъ основъ въ жизни семейной, общественной и государственной, то знаменоносцемъ и проводникомъ въ литературѣ этого тлетворнаго направленія явился журналъ «Современникъ», перешедшій въ 1847 году отъ П. А. Плетнева въ руки Панаева и Некрасова, хотя они оба были люди умные и талантливые, но самые пустые и легкомысленные, которые только думали объ удовольствіяхъ жизни и были совершенно неспособны къ серіозному труду веденія отнелегкаго журнальнаго дѣла, вслѣдствіе чего вышло, что они отдались всецѣло въ руки ими приглашенныхъ сотрудниковъ, которые сдѣлались дѣйствительными редакторами журнала и дали ему направленіе на свой ладъ. Некрасовъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ, хотя на словахъ, мнимолиберальнымъ теоріямъ этихъ безразсудныхъ своихъ сотрудниковъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ его жалостныхъ стиховъ о горькой судьбинѣ нашего простого народа, которые онъ писалъ въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ въ промежуткахъ между вкуснымъ обѣдомъ и гастрономическимъ ужиномъ, или же послѣ крупнаго карточнаго выигрыша въ англійскомъ клубѣ; но на дѣлѣ онъ ничего не сдѣлалъ и не пожертвовалъ ни одного рубля для облегченія той тяжкой участи бѣднаго люда, о которой онъ такъ краснорѣчиво печалился въ звучныхъ стихахъ. Что же касается до И. И. Панаева, то по его характеру, привычкамъ и образу жизни онъ былъ совершенно «невмѣняемъ» за направленіе «Современника» и никакого собственнаго мнѣнія не имѣлъ.

«По своему общественному положенію, образу мыслей, убѣжденіямъ и чувствамъ, графиня Е. П. Ростопчина не могла имѣть никакого соприкосновенія и ничего общаго съ вдохновителями и заправилами «Современника», и въ разныхъ ея сочиненіяхъ нерѣдко высказывались воззрѣнія, совершенно противоположныя духу и стремленіямъ этого журнала. Между прочимъ, въ 1851 году, было напечатано въ № 11 «Москвитянина» письмо Евдокіи Петровны къ Ѳ. Н. Глинкѣ, которое возбудило противъ нея сильнѣйшее негодованіе въ редакціи «Современника». Содержаніе письма показываетъ, что оно было вызвано восторженнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на графиню чтеніемъ Ѳ. Н. Глинкою какой-то имъ написанной поэмы высоко религіознаго содержанія, о которой она писала ему слѣдующее: «Слушая эту чудную библейскую эпопею, столь близкую всякой душѣ христіанской, всякому сердцу, ублаженному даромъ утѣшенія и молитвы,—я была изъята изъ нашего міра и вѣка, перенесена въ какое-то другое, лучшее время, время простоты, теплоты жизни и вѣры, время, непохожее на эту тяжкую пору безвѣрія, нелюбія и лжеученій мнимой истины философіи... Вся эта поэма любви, вѣры, богознанія, все это казалось мнѣ такимъ нежданнымъ, но желаннымъ явленіемъ въ теперешнее навожденіе прозы, реализма и скудости духовной, прикрытой внѣшнимъ име-

немъ разума и разсудка, что я предавалась восторженно и сладко обаянію, увлекавшему и душу мою, и мечту, и слухъ, и сердце».

«Эти прекрасныя чувства и мысли, съ которыми всегда согласится каждый разумный и благонамѣренный человѣкъ, возбудили взрывъ негодованія въ редакціи «Современника», гдѣ, по вѣрной поговоркѣ: «на ворѣ шапка горитъ», приняли письмо графини Ростопчиной за дерзкое выступленіе на открытую борьбу противъ нигилистическаго направленія ихъ журнала... Черезъ три мѣсяца было окончено (въ мартѣ 1852 г.) печатаніе въ «Москвитянинѣ» романа «Счастливая женщина»... въ библіографическомъ отдѣлѣ апрѣльской книжки «Современника» появилась небольшая замѣтка неизвѣстнаго автора, заключавшая самое пошлое, тривіальное, прямо сказать, лакейское глумленіе надъ содержаніемъ этого романа... Чувство раздраженія еще болѣе усилилось и укрѣпилось послѣ написаннаго ею прекраснаго стихотворенія, въ іюлѣ 1852 года. «Ода поэзіи»... Въ 1856 году, по случаю выхода перваго тома второго изданія стихотвореній графини Ростопчиной, была напечатана въ «Современникѣ» рецензія опять неизвѣстнаго автора, составлявшая явленіе въ своемъ родѣ изумительное, необычное, безпримѣрное въ литературной критикѣ. Это не былъ критическій обзоръ стихотвореній, но самыя грубыя нападки, самое неприличное глумленіе надъ личностью автора! Истинный и прямой смыслъ ея поэтическихъ произведеній извращался въ этой рецензіи самымъ наглымъ образомъ, съ приписаніемъ имъ характера пошлаго, безнравственнаго и при дерзкомъ перенесеніи этихъ оскорбительныхъ выводовъ на характеристику самого автора стихотвореній. Нахальство анонимнаго рецезента дошло до такой крайности, что онъ имѣлъ безстыдство выставить единомышленниками своихъ грубыхъ и неблагопристойныхъ издѣвательствъ надъ личностью и произведеніями графини Ростопчиной—кого же? — Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, этихъ всѣмъ извѣстныхъ друзей графини. Эта безобразная статья была написана, очевидно, по спеціальному заказу редакціи журнала, или кѣмъ либо изъ главныхъ въ немъ заправилъ.

«Весьма понятно, что графиня Ростопчина не могла отнестись совершенно равнодушно и безучастно къ этимъ злобнымъ выходкамъ противъ нея; но на такое грубое, низкое оскорбленіе надлежало ей отвѣчать съ достоинствомъ спокойнаго пренебреженія. Такъ именно и поступила она, спустя полгода, въ прекрасныхъ стихахъ, подъ названіемъ «Моимъ критикамъ». Позднѣе, въ іюлѣ 1857 г., написала графиня еще и другое стихотвореніе «Простой обзоръ», въ которомъ ярко выставлялись въ наглядныхъ практическихъ примѣрахъ пагубные плоды того направленія идей и стремленій, которыхъ передовые глашатаи и пропагандисты, съ Чернышевскимъ во главѣ, свили себѣ притонъ въ редакціи «Современника».

«Настоящій біографическій очеркъ былъ уже написанъ мной, когда недавно я узналъ изъ статьи «Некрологъ Н. Г. Чернышевскаго», напечатанной въ декабрьской книжкѣ 1889 г. «Историческаго Вѣстника», доселѣ остававшееся мнѣ неизвѣстнымъ имя автора упомянутой безобразной рецензіи въ «Современникѣ» 1856 года: это былъ самъ Чернышевскій! Немудрено, что ученикъ его, такой же семинаристъ, какъ и онъ самъ, Добролюбовъ, написалъ подъ его руководствомъ критику на романъ «У пристани» по образцу рецензіи своего учителя. Этотъ новозавербованный сотрудникъ журнала, еще несовершеннолѣтній юноша, получившій воспитаніе въ провинціальной семинаріи, гдѣ, конечно, не могъ онъ научиться правиламъ свѣтскаго приличія и вѣжливости, обязательныхъ въ благовоспитанномъ обществѣ, разразился съ необузданною и прямо бурсацкою грубостью противъ личности автора романа, женщины, принадлежавшей къ аристократическому обществу и не подававшей ни малѣйшаго повода для подобнаго рода оскорбительныхъ выходокъ противъ нея» (Сергѣй Сушковъ).

Вотъ каковы были критики сочиненій моей матери! Вотъ какія оскорбленія перенесла она и все простила! Беззащитную женщину ругали, позорили, подымали на смѣхъ, потомъ началось то, что французы называютъ «la conspiration du silence», заговоръ молчанія. Даже Аксаковъ въ своемъ сочиненіи о тестѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ, называя всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, ни слова не сказалъ про графиню Ростопчину... правда, что онъ и про князя П. А. Вяземскаго забылъ. Горько обиженная, я написала милому, умному старцу, другу моей матери, прося его вступиться за себя и за мать, онъ отвѣтилъ мнѣ, что слишкомъ старъ, и совѣтовалъ написать мнѣ самой: «рубите съ плеча». Но я не Петръ Великій, ни топора, ни дубинки не имѣю, я смолчала.

Въ роскошномъ домѣ въ Москвѣ, на Моховой, гдѣ нынѣ находится Румянцевскій музей, благородное и изящное зданіе во вкусѣ Растрелли, жила по-барски огромная семья Пашковыхъ,—женатые, замужнія, вдовы, дѣвицы, дѣти, приживалки, учителя, дворня, все это ютилось около почтенной четы. Переписка братьевъ Булгаковыхъ освѣтила достаточно безпечную и веселую жизнь нашихъ тогдашнихъ баръ; это была настоящая Аркадія, гдѣ срывали цвѣты удовольствія съ утра до ночи, порхали по лужайкамъ, переодѣвались въ различные костюмы, ѣздили цѣлымъ обществомъ потанцовать или покушать, а въ карты играли всегда и вездѣ. Отечественная война пріостановила шаловливую жизнь нашихъ аркадскихъ прадѣдовъ; погоревавъ о пожарѣ, о сожженной матушкѣ Москвѣ, немного остепененные, они снесли на чердакъ вѣнки Психеи и Авроры, цѣпи изъ розъ устарѣвшихъ амуровъ, арфы поэтическихъ нимфъ и взамѣнъ этого хлама запаслись картами. Засѣла вся матушка Москва за ломберными столами—одна молодая Суш-

кова сидѣла за письменнымъ столомъ и украдкою писала стихи. Рано развилось ея поэтическое дарованіе; прекрасно изучивъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, впослѣдствіи даже итальянскій, она тайкомъ упивалась чтеніемъ великихъ поэтовъ и исписала много альбомовъ выписками изъ нихъ. Несмотря на то, что тогда первенствовалъ французскій языкъ, она знала и любила свой родной; ея стихотворенія безъ подписи уже были извѣстны всей Москвѣ, когда бабушка ея, Авдотья Васильевна, узнавъ про это, ужаснулась; взявъ образъ со стѣны, она хотѣла заставить непокорную внучку поклясться, что она перестанетъ писать: «недостойно, молъ, дворянской дѣвицѣ заниматься подобнымъ образомъ». Мать моя клятвы не дала, обѣщалась только ничего не печатать до брака и стала предметомъ насмѣшекъ и язвительныхъ укоровъ незамужней тетки и нѣкоторыхъ членовъ семьи. Стремясь вырваться изъ этой среды, гдѣ страдала ея пылкая, восторженная душа, она благосклонно приняла ухаживанія пріѣхавшаго изъ Петербурга гвардейскаго офицера съ громкою историческою фамиліею и огромнымъ состояніемъ. Отецъ мой, если не былъ красивъ, ибо ранняя плѣшь очень безобразила его правильное лицо, былъ большого роста, хорошо сложенъ и имѣлъ видъ настоящаго боярина. Онъ наслѣдовалъ отъ отца блестящій умъ, юморъ, краснорѣчіе и могъ нравиться, когда хотѣлъ, но именно дѣло было въ хотѣніи. Такъ какъ онъ родился послѣ смутъ и треволненій 1812-го года, то на немъ ясно отразилось тревожное состояніе духа его родителей; въ немъ не было равновѣсія, нравъ его былъ буенъ, духъ мятеженъ; при строгомъ воспитаніи и подъ наблюдательнымъ окомъ благоразумной матери изъ него могъ бы выйти замѣчательный человѣкъ, но вышелъ самодуръ. Да простятъ мнѣ это слово. Я написала его, не какъ дочь, сильно изстрадавшаяся отъ характера отца, а какъ безпристрастный критикъ, для котораго правда есть законъ. Записки моего дорогого друга, Сергѣя Михайловича Загоскина, достаточно освѣтили личность моего отца, про котораго сложилось цѣлое преданіе. Къ счастью, теперь подобныя личности невозможны, но тогда это было совсѣмъ не единичное явленіе. Однако въ то время, когда мой отецъ встрѣтился съ Евдокіей Петровной Сушковой, недостатки, унаслѣдованные имъ отъ матери, а также благопріобрѣтенные, не успѣли еще развиться. Къ тому же онъ былъ влюбленъ, желалъ нравиться и сдѣлался женихомъ. Въ виду его богатства назначенныя для Евдокіи Петровны Сушковой подмосковныя оранжереи были изъяты изъ ея приданаго и переданы нелюбившей и тиранившей ее теткѣ, Александрѣ Ивановнѣ, которая впослѣдствіи, когда мы уже разорились, роскошно жила на доходы съ этихъ самыхъ «ничтожныхъ» оранжерей.

Только наканунѣ свадьбы сдѣлалось извѣстно изъ метрики жениха, что ему не за тридцать лѣтъ, какъ то выдавала его изно-

шенная наружность, но всего только девятнадцать, и открытіе это всѣхъ смутило, а въ особенности невѣсту, которая, не взирая на дѣвическую невинность и неопытность, не могла не испугаться, что будущій ея мужъ на два года ея моложе, и что не даромъ онъ такъ старообразенъ.

Можетъ быть, свадьба разстроилась бы, если бы въ дѣло не были замѣшаны злополучныя оранжереи, которыми тетушка Александра Ивановна непремѣнно желала завладѣть, и несчастную дѣвушку уговорили не дѣлать скандала и не отказывать жениху. Евдокія Петровна была не въ силахъ устоять противъ просьбъ и упрековъ многочисленной семьи, и свадьба ея состоялась въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года въ церкви Введенія на Лубянкѣ.

Молодые зажили въ своемъ домѣ на Лубянкѣ открыто и принимали всю Москву. Они давали роскошные вечера и балы, для которыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, отецъ мой выписывалъ нарядныя конфеты изъ Петербурга, по 25 рублей за штуку.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, длившагося нѣсколько лѣтъ, мать наша близко подружилась съ братомъ своего мужа, графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, но суровая свекровь не взлюбила талантливую, жизнерадостную молодую свою невѣстку, крѣпко державшуюся православной вѣры, чисто русскую, не только по рожденію, но и по духу, и не способную поддаться на соблазны католичества уже потому, что испытывала на себѣ и на своихъ близкихъ горькіе его плоды отъ свекрови.

IX.

Романъ графа Сергѣя Ѳедоровича.—Его смерть.—Надгробное слово, сказанное его матерью.—Какъ отнеслась графиня къ извѣстію о смерти своей сестры.—Судьба добрачнаго сына графа Сергѣя Ѳедоровича.—Резолюція государя Николая Павловича.—Пансіонъ для дѣвицъ.—Графиня Екатерина Петровна, какъ блюстительница скромности и нравственности.

Какъ сказано выше, мать наша очень подружилась съ братомъ своего мужа и всегда защищала его отъ клеветъ и нареканій. Искупая грѣхи молодости мучительными недугами, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ долженъ былъ проводить всѣ зимы за границей и, проживая во Флоренціи, влюбился въ гофмейстерину герцогини Тосканской, графиню Ф. де-Б., которая отвѣчала ему взаимностью. Не первой молодости, но живая, умная и впечатлительная, она могла до извѣстной степени считать себя свободной, такъ какъ мужъ ея содержался въ домѣ для умалишенныхъ, и на выздоровленіе его не было никакой надежды. Она страстно увлеклась умнымъ и болѣзненнымъ русскимъ путешественникомъ; дядя же нашъ, по свойственному ему легкомыслію воображая, что завязавшійся съ нею романъ кончится, какъ всѣ свѣтскія авантюры, и что она скоро

про него забудетъ, преспокойно вернулся въ Россію. Но, къ величайшему его удивленію и досадѣ, онъ ошибся въ расчетѣ: покинутая красавица въ одинъ прекрасный день явилась къ нему въ Москву, въ сопровожденіи преданной горничной Лючіи, да еще въ интересномъ положеніи!

Во избѣжаніе скандала, графиня Ф. разыграла передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи комедію самоубійства, написала кое-кому письма съ намеками на роковое намѣреніе лишить себя жизни и, оставивъ на берегу Арно верхнее свое платье, уѣхала въ Россію. Озадаченный дядя явился съ повинной къ матери, а эта послѣдняя, ненавидѣвшая всякіе грѣхи, а превыше всѣхъ амурные, воспылала гнѣвомъ и объявила, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза заблудшуюся овцу. Тогда дядя обратился къ нашей матери, которую онъ, невзирая на ея молодость, высоко цѣнилъ за умъ и сердце, и, слѣдуя ея совѣтамъ, принялъ бѣглянку, какъ свою будущую супругу, и женился на ней, когда мужъ ея скончался, что̀ случилось, однако, послѣ того, какъ у нихъ родился сынъ, окрещенный въ католической церкви подъ фамиліей Ф. Ребенка этого, «плодъ прелюбодѣянія», бабушка ненавидѣла, но съ матерью его, когда она сдѣлалась законною женою ея сына, она обращалась довольно прилично.

Скончался графъ Сергѣй Ѳедоровичъ въ 1838 году и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Его мать жила, какъ всегда зимой, въ Москвѣ, а въ Вороновѣ укрывала аббата въ одномъ изъ флигелей Вороновскаго дома, гдѣ и мы тоже впослѣдствіи проводили лѣтніе мѣсяца съ 1848 по 1859 годъ. Домъ этотъ былъ построенъ покоемъ. Мы занимали въ немъ нижній этажъ, верхній же оставался въ томъ видѣ, въ которомъ оставило его нашествіе французовъ въ 1812 году: дверей и оконъ не существовало, по главной каменной лѣстницѣ, испорченной пожаромъ, ходить было опасно, и проникнуть въ комнаты можно было по деревяннымъ лѣстницамъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ балкамъ. Правый флигель занималъ управляющій, а лѣвый—бабушка со своими многочисленными компаньонками и приживалками. Въ послѣдней комнатѣ этого флигеля, замыкавшей длинную анфиладу покоевъ вдоль сада, жилъ аббатъ, и въ ней находились потайные шкапы въ стѣнахъ со всѣми принадлежностями для служенія католической обѣдни.

Долго пребывало все это въ тайнѣ, но наконецъ, вѣроятно, по доносу кого нибудь изъ домашнихъ, тогдашнему генералъ-губернатору, князю Голицыну, было дано предписаніе изъ Петербурга произвести обыскъ въ имѣніи графини Екатерины Петровны Ростопчиной; призвавъ къ себѣ графа Сергѣя Ѳедоровича, онъ предупредилъ его о грозившей его матери бѣдѣ, если раскроется тайна ея вѣроисповѣданія. Чтобъ опередить обыскъ, долженствовавшій послѣдовать черезъ двадцать четыре часа, графъ Сергѣй Ѳедоро-

вичъ немедленно сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ въ Вороново, гдѣ распорядился заложить кирпичами стѣны со шкапами, спустилъ куда-то аббата и вернулся въ Москву съ сильной простудой, отъ которой, страдая уже ранѣе астмой, онъ и скончался. Его мать, конечно, на его схизматическія похороны не поѣхала, и когда, по окончаніи церемоніи, мои двоюродные дяди, князья Алексѣй и Павелъ Голицыны, пріѣхали ее навѣстить, они нашли ее, какъ всегда, прохаживающуюся преспокойно взадъ и впередъ по комнатамъ. Сожалѣнія ихъ о только что скончавшемся сынѣ она прервала такими словами: «Онъ прожилъ такъ, какъ того хотѣлъ: мало, но хорошо» [1]). И снова принялась за прерванную прогулку, стряхнувъ съ себя такимъ образомъ всякія безполезныя воспоминанія и отвѣтственность. Передавая мнѣ это, князь Алексѣй прибавилъ: «Разумѣется, съ тѣхъ поръ ни я, ни братъ мой не переступили порога этой безсердечной женщины, выражавшейся такъ бездушно про сына, горько поплатившагося своимъ здоровьемъ за юношескія увлеченія и умершаго преждевременно среди заботъ о спасеніи ея отъ непріятностей».

Много позже, когда скончалась ея младшая сестра, графиня Варвара Петровна Протасова, на сестру мою было возложено порученіе приготовить бабушку къ извѣстію объ этой потерѣ. «Никогда не забуду я торжествующей усмѣшки, съ которой бабушка встрѣтила печальное извѣстіе», писала мнѣ еще недавно сестра: «Эге, мамзель! моложе меня, а ушла раньше!» [2])—сказала она.

Мнѣ кажется, что эти двѣ фразы достаточно обрисовываютъ личность бабушки, какъ матери и какъ сестры.

Когда графъ Сергѣй Ѳедоровичъ скончался, всѣ его имѣнія оказались заложенными, но его мать и братъ ихъ выкупили и передали вдовѣ его прекрасное состояніе, совѣтуя ей немедленно написать завѣщаніе въ пользу сына Владимира, такъ какъ у нея было еще два сына отъ перваго мужа, уже взрослые и состоящіе на службѣ. Но графиня Марія Ростопчина, со свойственною итальянкамъ безпечностью и лѣнью, откладывала со дня на день исполненіе этого долга и скончалась отъ удара, не обезпечивъ судьбу своего младшаго ребенка. Умерла она года два послѣ своего мужа. Родители мои находились тогда въ своемъ воронежскомъ имѣніи, и, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, камеристка покойницы Лючія увѣдомила сыновей ея о внезапной смерти ихъ матери, такъ что, когда отецъ нашъ пріѣхалъ въ Москву, онъ ужъ ихъ здѣсь засталъ въ хлопотахъ о полученіи наслѣдства послѣ матери. Наслѣдство это они получили и, предоставивъ младшему брату право носить ихъ имя и титулъ, уѣхали назадъ на родину. Бабушка

---

[1]) «Il a eu la vie comme il l'a voulu courte et bonne».

[2]) «Ehé, mamselle, plus jeune que moi, et déjà partie!»

взяла бѣднаго сироту на воспитаніе и обходилась съ нимъ болѣе, чѣмъ сурово. У родителей моихъ первые четыре года послѣ свадьбы не было дѣтей, и отецъ нашъ подалъ государю прошеніе о дозволеніи усыновить добрачнаго ребенка своего умершаго брата. Государь приказалъ вернуть ему прошеніе, собственноручно на немъ написавъ: «Католикъ не можетъ быть графомъ Ростопчинымъ».

Вскорѣ послѣ того родился нашъ старшій братъ Викторъ, и рѣшено было отослать маленькаго Ф. во Францію къ графинѣ Сегюръ, назначивъ ему десять тысячъ въ годъ на воспитаніе и съ капиталомъ въ двѣсти тысячъ франковъ, собраннымъ при содѣйствіи бабушки родственниками. У меня сохранилось письмо восьмилѣтняго мальчика, написанное, разумѣется, по-французски и адресованное бабушкѣ передъ его отъѣздомъ за границу, въ которомъ онъ въ униженныхъ выраженіяхъ благодаритъ за оказанныя ему, сиротѣ, милости. Очевидно письмо это было сочинено которою нибудь изъ бабушкиныхъ компаньонокъ и переписано несчастнымъ ребенкомъ, такъ много пострадавшимъ отъ «благодѣтельницы» за то, что онъ имѣлъ несчастье родиться до брака ея сына съ его матерью.

Мальчикъ этотъ унаслѣдовалъ отцовскій умъ и ростопчинскій типъ лица, изъ него вышелъ хорошій человѣкъ, и Сегюры любили его, какъ родного. При первой возможности его перевели во французское подданство, и онъ умеръ недавно, оставивъ сына и дочь.

Выше я упомянула про бабушкиныхъ компаньонокъ. У нея ихъ было множество. Та самая Турнье, которую нашъ отецъ ребенкомъ называлъ уличною дрянью, имѣла на нее сильное вліяніе. Она выпросила позволеніе взять на воспитаніе сначала одну дѣвочку изъ французской колоніи, потомъ другую, третью, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нашемъ домѣ перебывало немало маленькихъ мученицъ. Про ея строгость съ ними ходило много разсказовъ. Говорили между прочимъ, что вдохновенная традиціями испанской инквизиціи она подносила къ ихъ губамъ раскаленное распятіе и сѣкла ихъ жестоко за то, что онѣ въ ужасѣ отъ него отвертывались. Трудно этому вѣрить, но мы это слышали отъ нашей матери, которая отличалась замѣчательною правдивостью. Кромѣ фуріи Турнье, при бабушкѣ жила нѣкая Наталья Ивановна Ростопчина, наша дальняя родственница, обожавшая собакъ, некрасивая, угреватая старая дѣва. Впослѣдствіи она уѣхала въ Римъ, гдѣ и скончалась въ монастырѣ. Про нее мнѣ разсказывали въ Италіи, что благочестивое ея житіе кѣмъ-то написано, и что ее слѣдуетъ причислить къ лику святыхъ.

Плохо жилось бабушкинымъ компаньонкамъ. Старшей надъ ними состояла старая безобразная дѣва, Марта. Нѣкоторымъ изъ весталокъ, надъ которыми она владычествовала, удалось выйти замужъ, при чемъ бабушка давала имъ приданое. Между ними

царила вѣчная зависть и вражда. Я помню, какъ однажды одна изъ этихъ дѣвицъ, найдя на полу записку съ перечнемъ грѣховъ, отнесла ее Мартѣ и на вопросъ этой послѣдней, какъ угадала она, что записка эта принадлежитъ ей,—отвѣтила съ напускною наивностью: «по грѣхамъ, на ней означеннымъ, мадмуазель». Крѣпко досталось ей за такой дерзкій отвѣтъ!

И, невзирая на все это, французская колонія считала счастьемъ и честью помѣщать своихъ дочерей къ «святой» графинѣ! Правда, что онѣ здѣсь содержались въ страхѣ Божіемъ: соблюдались всѣ посты, возили ихъ каждый день и къ обѣднѣ, въ каретѣ, слѣдовавшей за бѣлой бабушкиной колымагой, въ которой графиня ѣхала съ вѣрной своей Мартой. Тѣ, которымъ не хватало мѣста въ каретѣ, шли пѣшкомъ и тоже, разумѣется, подъ наблюденіемъ старшей.

Платья онѣ обязаны были носить темнаго цвѣта, по горло, съ длинными рукавами; когда по праздникамъ и воскресеньямъ ихъ отпускали домой, бабушка ихъ предупреждала, что та, которая осмѣлится побывать въ театрѣ или на танцовальномъ вечерѣ, будетъ немилосердно изгнана изъ ея дома. И угроза эта свято выполнялась. Живо припоминается мнѣ случай съ м-ль де-С. изъ извѣстной аристократической семьи эмигрантовъ, некрасивой, кореностой дѣвушкой, съ рыжими волосами, коротко остриженными, и съ выразительнымъ лицомъ. Несчастная позволила себѣ потанцовать на одномъ вечерѣ. М-ль Марта узнала про такой страшный грѣхъ и немедленно доложила о немъ бабушкѣ. Послѣдовало грозное рѣшеніе: прогнать немедленно провинившуюся. Дѣло было вечеромъ. Пріятно хихикая, Марта собственноручно уложила пожитки несчастной м-ль де-С. и вытолкала ее на улицу. Напрасно ходила къ бабушкѣ наша мать просить за несчастную, ей тѣмъ болѣе сурово отказали, что она и сама была такая же грѣшница, сама танцовала на балахъ и возила насъ съ собой. Для такого грѣха пощады не было, и, наказавъ порокъ, святая старица принялась за свои безконечныя молитвы. Грѣшница же, явившись къ родителямъ, была также и ими выгнана вонъ, такъ какъ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ такая святая женщина, какъ графиня Росточина, рѣшилась изгнать изъ своего дома, да еще ночью, дѣвушку за такой маловажный проступокъ. И она пошла... туда, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда находятъ пріютъ... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, наша Mainté получила письмо отъ м-ль С., очень встревожилась, поговорила съ мама и поѣхала въ госпиталь. Вернулась она оттуда вся въ слезахъ и заперлась съ нашею матерью. Потомъ, изъ таинственныхъ разсказовъ, шопотомъ передаваемыхъ другъ другу въ нашемъ домѣ, мы узнали, что бѣдная дѣвушка умерла, проклиная бабушку, виновницу ея гибели. Тогда я не поняла еще вполнѣ гнусную подкладку этого печальнаго происшествія.

Другая «облагодѣтельствованная», толстая, вѣчно смѣющаяся Александрина, попалась въ другой винѣ: роясь во время ея отсутствія въ ея сундукѣ, м-ль Марта откопала романъ! О ужасъ! Французскій романъ, еще худшій развратитель, чѣмъ танцы! И Александрина тоже вылетѣла съ позоромъ изъ нашего дома за оскверненіе святой обители. Тутъ ужъ я сама помогала ей укладываться, видѣла ея слезы, слышала, какъ мама приходила ее утѣшать, послѣ неудачной попытки смягчить бабушку. Увы, какъ ни горька была жизнь подъ нашимъ суровымъ кровомъ, все-таки это былъ кровъ.

Послѣ танцевъ и романовъ бабушка всего больше ненавидѣла новыя моды и длинныя таліи. При насъ состояла бонной вывезенная нами изъ Парижа полька, Луиза Адамовна Ставская, весьма недурненькая собою, вертлявая веселая дѣвушка, любившая наряжаться. Ужъ однимъ этимъ не нравилась она бабушкѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, Луиза наша надѣла привезенное изъ Парижа платье изъ лѣтней матеріи, съ мелкими розовыми полосками и съ длинной тальей, затянутой въ рюмочку. Такого поруганія надъ правилами стыдливости и благочинія бабушка, конечно, не вынесла, позвала къ себѣ нашего отца и приказала ему немедленно отказать м-ль Луизѣ. Это было жестокимъ ударомъ для всѣхъ насъ, мы привыкли къ м-ль Луизѣ и нѣжно ее любили. Всѣ мы ходили умолять за нее бабушку, но она не захотѣла насъ слушать, и наша милая Луизочка навсегда исчезла у насъ изъ глазъ въ своемъ розовомъ платьѣ. Добродѣтель восторжествовала, но, увы, не надолго: настала очередь внучекъ.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ, потому что между изгнаніемъ Луизы и нашимъ первымъ выѣздомъ въ свѣтъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Мы тогда опять жили съ бабушкой, такъ какъ отецъ боялся оставлять ее одну во время Крымской кампаніи. Мы переѣхали къ ней изъ нашей квартиры, особняка на Спиридоновкѣ, и хотя мнѣ еще не минуло семнадцати лѣтъ, насъ съ сестрой начали вывозить въ свѣтъ. Въ первый разъ повезли насъ на балъ въ палатку, гдѣ гвардейскіе офицеры устроили праздникъ для московскихъ дамъ. Насъ одѣли и привели показать бабушкѣ. Окинувъ насъ съ ногъ до головы презрительно насмѣшливымъ взглядомъ, она проговорила по-французски, разумѣется: «Вы, можетъ быть, воображаете себя красивыми? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, вы уроды, а, во-вторыхъ, отвратительны Богу и никогда не войдете въ царствіе небесное. Вы играете въ руку дьяволу, наряжаясь, чтобъ кружиться въ объятіяхъ мужчинъ»... Тутъ ужъ вступилась наша мать, умоляя пощадить нашу невинность. Мы были такъ смущены и испуганы, что наивное удовольствіе потанцовать утратило для насъ всякую прелесть. Въ стремленіи своемъ пробудить

въ насъ женскую стыдливость, бабушка въ насъ убила счастливое дѣтское невѣдѣніе. До тѣхъ поръ мы видѣли въ молодыхъ людяхъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, только кавалеровъ для танцевъ, теперь же мы стали бояться съ ними разговаривать и чуждались всякаго съ ними сближенія.

Впослѣдствіи мы всегда были обязаны являться къ бабушкѣ передъ баломъ, и, опасаясь ея гнѣва при видѣ нашего скромнаго декольте, насъ причесывали и водили къ ней въ свѣтлыхъ платьяхъ съ закрытымъ лифомъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ переодѣть въ бальный нарядъ. И мы такимъ образомъ должны были сидѣть у нея за работой по нѣскольку часовъ, съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ, причесанной парикмахеромъ по-бальному. Иногда она спрашивала: «теперь такая мода ѣздить на балы въ закрытыхъ платьяхъ?»- -«Да, бабушка»,—отвѣчали мы не запинаясь. «Это очень хорошо,—замѣчала она.—Въ мое время женщины нагло выставляли голыя руки и плечи. А танцуете вы отвратительную польку, чтобъ трепетать въ объятіяхъ мужчинъ?»—«Нѣтъ, бабушка, мы танцуемъ только кадрили».—«Это хорошо, но все-таки танцы выдуманы дьяволомъ на погибель души»...

Каждый вечеръ мы должны были проводить нѣсколько часовъ въ гостиной бабушки, которая лежала на кушеткѣ и непремѣнно съ работой въ рукахъ; вязала она филе для одѣянія католическаго духовенства. Мы тоже что нибудь вышивали, отецъ нашъ нанизывалъ бусы для ожерелій деревенскихъ дѣвушекъ, и даже гости непремѣнно должны были пріѣзжать съ работой, такимъ образомъ я помню, что Анатолій Нарышкинъ всегда рисовалъ во время своихъ посѣщеній. Одна только наша мать ничего не дѣлала, и это постоянно сердило бабушку.

Графиня Л. А. Ростопчина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

